

Функции притяжательных суффиксов при инфинитиве на -□□ в марийском языке

Л. А. Андреева
 кандидат филологических наук, доцент
 кафедры общего языкознания и уралистики
 ГОУВПО «Югорский государственный
 университет» (г. Ханты-Мансийск, РФ)

Вводные замечания

Одной из главных особенностей уральских языков является наличие в них притяжательных суффиксов (далее *Px*). Ученые единодушны во мнении, что посессивные суффиксы восходят к соответствующим прауральским личным местоимениям [12, 32–34]. М. Р. Федотов полагает, что «истoki возникновения категории принадлежности нужно было бы искать в урало-алтайской общности языков» [23, 336]. Особый интерес вызывает высказывание Б. А. Серебrenникова: «Появление притяжательных суффиксов в агглютинативных языках находится в прямой зависимости от их двух особенностей – первоначального отсутствия родительного падежа и так называемого суффиксального тонуca: в агглютинативных языках есть суффиксы, но нет префиксов. <...> Непосредственно притяжательные суффиксы из личных местоимений развиваться не могли. Материалы уральских языков наглядно свидетельствуют о том, что отношения принадлежности возникли в результате переосмысления первоначальных пространственных отношений» [19, 277, 279]. Тот факт, что некоторые притяжательные суффиксы и указательные местоимения содержат одни и те же элементы, позволяет автору заключить: «На базе этих указательных местоимений и развились при-

тяжательные суффиксы. На базе этих же указательных местоимений уже по особой линии развития позднее оформились личные местоимения» [19, 279].

Анализируя факты урало-алтайских языков с точки зрения теории определенности, Д. Г. Киекбаев приходит к следующему выводу: «Аффиксы принадлежности имеют два значения: первое – они указывают на принадлежность предмета тому или иному лицу, т. е. на лицо обладателя, второе – они придают предмету значение определенности, поскольку все аффиксы принадлежности... исторически восходят к древнейшим показателям определенности, от которых впоследствии образовались все словоизменительные и словообразовательные аффиксы имен и глаголов, личные, указательные, вопросительные местоимения и частицы» [9, 259]. Вышеизложенное переключается с мнением некоторых тюркологов, считающих, что «личные и указательные местоимения по существу составляют одну лексико-грамматическую группу, т. е. они аналогичны» [6, 63]. Так, Н. А. Баскаков считает, что «если личные местоимения не являются прямыми деривативами указательных и субстантивированных местоимений, то они должны быть генетически непосредственно связаны с общим процессом развития указательных (определятельных), притяжательных и субстантивно-личных, а также лично-притяжательных местоимений» [цит. по: 6, 63].

Известно, что в некоторых уральских языках притяжательные суффиксы 3 и 2 л. означают не только принадлежность, но и определенность, а также выполняют указательную, усилительно-выделительную функции. Ученые полагают, что корни данного явления уходят в прауральскую эпоху [12, 270; 31, 465 и др.]. По мнению А. И. Кузнецовой, «собственно посессивное значение в силу своей максимальной независимости от контекста, высокой частотности

© Андреева Л. А., 2009

встречаемости, легкости восприятия является ядром грамматической категории. По отношению к нему как к центру значения указательное, определенное, усилительно-выделительное и другие будут составлять периферию всей семантической области анализируемой граммемы» [11, 250].

И. Николаева, признавая, что понятие определенности не может адекватно объяснить употребление и дистрибуцию посессивных аффиксов с непосессивными значениями, предлагает следующую классификацию их значений: а) идентификация; б) ассоциативная связь с другим элементом; в) эмфаза, контраст. Автор указывает, что «ни в одной из этих функций посессивные аффиксы не грамматикализовались полностью; скорее их присутствие обусловлено пресуппозицией, которую несет соответствующее высказывание» [15, 130]. При этом если первые две функции типичны для большинства уральских языков, за возможным исключением венгерского и прибалтийско-финских языков [15, 142], то третья (эмфаза, контраст) характерна только для марийского, коми, удмуртского языков. Вслед за Б. А. Серебрянниковым И. Николаева считает, что эта

М. З. Вастунин о новом издании «Марийский мир». Сыктывкар, 2008 г.

функция развилась под влиянием тюркских языков: татарского и чувашского [15, 143]. Факт, что она не встречается в других уральских языках, подтверждает выдвинутую гипотезу.

Во многих уральских языках притяжательные суффиксы употребляются не только при существительных, но и при других частях речи, в частности при глаголах. Использование посессивных суффиксов при инфинитивах, причастиях и деепричастиях ученые объясняют происхождением этих категорий слов от имен действия [10, 116; 12, 269; 18, 64 и др.].

Целью нашей работы является описание функций посессивных суффиксов при глагольных формах: инфинитиве на *-аш*, деепричастиях на *-меке*, *-мешке*, *-шыла*, *-н*, *-де*, личной форме глагола. В данной статье мы рассматриваем функции притяжательных суффиксов при инфинитиве на *-аш*.

Функции посессивных суффиксов при инфинитиве на *-аш*

При инфинитиве на *-аш* употребляются *Rx* всех трех лиц единственного и множественного числа. Как отмечает Н. Т. Пенгитов, «притяжательные суффиксы иногда употребляются при инфинитиве. При этом они указывают на отношение действия к действователю или имеют лишь указательно-выделительное значение» [17, 53]. Таким образом, можно выделить: 1) функцию обозначения лица, совершающего действие или находящегося в каком-либо состоянии, отношении к действию, названном в глагольной основе; 2) другие функции посессивных суффиксов при инфинитиве на *-аш* в марийском языке.

Притяжательные суффиксы 1, 2 и 3 л. ед. и мн. ч. употребляются в функции обозначения лица, совершающего действие или находящегося в каком-либо

состоянии, например: *Урем дене ошкылашемат эрыкым ок пу ыле* [14, 86] ‘Даже по улице мне пройти свободно не давал’; *Ну, кызыт штрафым тўлашет перна, налогымат кызыт тўлашет логалеш* [27, 186] ‘Ну, сейчас придется тебе штраф заплатить, и налог тебе сейчас надо будет заплатить’; *Мый маньым, Марпа кувалан илашыже полиаш гын, Оксижым колта дыр* [27, 90] ‘Я сказал, если помочь жить тете Марпе, то отпустит, наверное, свою Окси’; *Тиде паишала ынде планым ышитыме. Тудым кузе-гынат шукташина кўлеш* [26, 123] ‘План этой работы теперь сделан. Надо его как-нибудь нам довести до конца’; *Утлаш полишет гынже, мый вара пу ямдылаида полишем ыле...* [24, 88] ‘Если бы ты помог мне спастись, я бы потом помог вам запастись дровами’; *Молан нуно мый декем пижыным? Илашыит ом мешае – ылыит, кузе моштит* [28, 358] ‘Зачем они ко мне привязались? Жить им не мешаю – пусть живут, как умеют’.

Проведенный количественный анализ показывает, что чаще всего в функции обозначения лица употребляются посессивные суффиксы 2 л. ед. ч. (*Px2Sg*) и 3 л. ед. ч. (*Px3Sg*).

Иногда при инфинитиве на *-аш* одновременно могут употребляться два посессивных суффикса, первый из которых обозначает лицо, совершающее действие;

второй суффикс, как правило, *Px3Sg*, выполняет в указательную функцию, например: *Пышташетше верет уло гын, налат тудо. Мемнан вержак уке...* [16, 49] ‘Если у тебя есть место положить-то, конечно, возьмешь. У нас места-то нет’ (*-ет* – *Px2Sg*, *-ше* – *Px3Sg*); *Емырем эртен, кок гана самырык от лий. Ынде мыняррак илашемже кодын* [3, 205] ‘Моя жизнь прошла, два раза молодым не будешь. Теперь сколько мне жить-то осталось’ (*-ет* – *Px2Sg*, *-же* – *Px3Sg*). Исследователи отмечают употребление посессивного суффикса в указательном значении с существительными, уже оформленными притяжательным суффиксом [11, 250; 15, 131; 21, 67]. Так, А. И. Кузнецова подчеркивает, что «первый суффикс имеет собственно принадлежностное значение, а второй суффикс приобретает дейктическое значение, дополнительно выделяя обладателя» [11, 250].

Лицо, совершающее действие или находящееся в каком-либо состоянии, обозначенное инфинитивом на *-аш*, в предложении может выражаться различными способами.

1. Субъект действия выражается только *Px*, поэтому он обязателен в употреблении. Субъект действия определяется из контекста. Примеры: *Шўжар, язуэтым луд айда, а мый ике паишам дене коштын толам.*

Уральские марицы

Ала эше пырляк **пӧртылашна перна** [13, 74] ‘Сестренка, читай пока свое письмо, а я по своим делам пройду. Может, вместе же возвращаться придется’; *Марина – орлыкан ўдыр. Тыгай ужар вуйжо денак шуко ойгым ужашыже логале* [26, 56] ‘Марина – горемычная девушка. Ей, еще такой молодой, много горя пришлось увидеть’.

2. Субъект действия выражен в обращении. Примеры: *Кузе-гынат, Каври изай, пышташет возем, тыгай неле жап годым кугыжалан полишман* [26, 31] ‘Как-нибудь, брат Каври, придется тебе доложить, в такое тяжелое время надо помогать царю’. Принятая в последнее время в марийском речевом этикете форма вежливого обращения к старшему или уважаемому человеку на *Вы* присутствует в следующем предложении: *Вуеш ида нал, Демьян Тихонович, чай йӱашда (Px2Pl) жап* [29, 307] ‘Извините, Демьян Тихонович, время вам пить чай’. В данном случае формально мы можем опустить притяжательный суффикс. Сравните: *Тунемаш пешыжак йӱсӧ огыл дыр, Сергей?* ‘Учиться не очень-то тяжело, Сергей?’ и *Тунемашет пешыжак йӱсӧ огыл дыр, Сергей?* [16, 67] ‘Учиться тебе не очень-то тяжело, Сергей?’ Употребление *Px* при инфинитиве на *-аш* конкретизирует лицо и число субъекта, делает его более определенным и формально выраженным.

3. Субъект действия выражается личным местоимением *тый* ‘ты’ в номинативе и *Px* при инфинитиве. Следует заметить, что местоимение передает значение датива. Примеры: *Тый, Осип Кондратьевич, мыланем полшашет возеш* [24, 207] ‘Тебе, Осип Кондратьевич, придется мне помочь’; *tÁje kÁzÁt oBeDÁm jamDÁlen šÁm kert. taKem, tÁje taiše malašet Bozeš* [30, 34] ‘Я сейчас не смог приготовить обед. Мой друг, придется тебе сегодня спать’. Употребление субъекта действия в форме номинатива обуславливает обязательное оформление инфинитива на *-аш* посессивным суффиксом. Таким образом, посессивный суффикс при инфинитиве на *-аш* указывает на лицо и число действующего лица.

4. Субъект действия выражается существительным / местоимением в дативе и *Px* при инфинитиве. Примеры: *Садлан Сергейлан адак кежежым ег пашаште эртарашыже вереште* [26, 28] ‘Поэтому Сергею снова пришлось провести лето, работая на чужих людей’; *Тыланет курык марий коклаш каяшет перна* [5, 136] ‘Тебе придется пойти к горным марийцам’.

Как правило, в роли субъекта в инфинитивных конструкциях выступают одушевленные имена существительные. Однако иногда субъект выражается неодушевленными существительными, например: *Теке ончо, Коваж, ончо, Эрпатыр, чыла тиде верым туллан когарташыже пуаш лишеш мо?* [5, 152] ‘Вот смотри, Коваж, смотри, Эрпатыр, разве можно дать все это место спалить огню?’ Субъект выражен существительным *тул* ‘огонь’ в дативе. На наш взгляд,

это обстоятельство связано с духовной культурой марийского народа, с традициями анимизма, в соответствии с которыми растительный мир, огонь, вода и т. д. воспринимаются как нечто живое.

Употребление *Px* при инфинитиве на *-аш* в данном случае зависит от выбора говорящего. Они помогают конкретизировать лицо и число субъекта.

5. Субъект выражается существительным / местоимением в генитиве. Примеры: *Пошкудыштын кочкашышт уке ыле гын, Эвай нунын начар ылыш нерген кумылзак лийын шонен огыл* [27, 10] ‘Если у их соседей не было ничего кушать, Эвай не очень охотно думал об их плохой жизни’. Употребление посессивных суффиксов в этом случае также формальное.

Суффиксы *Px2Sg* при инфинитиве на *-аш* кроме обозначения лица, могут выполнять также другие функции. Рассмотрим их.

1. *Px2Sg* употребляется в предложениях с выраженными значениями сильного желания, пожелания, предпочтительности действия. Инфинитив с *Px* сопровождается особой интонацией желания, а при письме в конце предложения, как правило, ставится восклицательный знак. Постоянными составляющими данной модели являются частицы *эй, эх, ой, вот, ыле!* Примеры: *Эх, ниным кожен луктын колташет!* [24, 140] ‘Эх, выгнать бы их!’; *Ой, куржын лекташет ыле тудын деке!* [29, 175] ‘Ой, выбежать бы к нему!’ В рассматриваемом случае *Px* выступает в усилительно-выделительной функции.

Как правило, в роли субъекта в инфинитивных конструкциях выступают одушевленные имена существительные. Однако иногда субъект выражается неодушевленными существительными.

2. *Px2Sg* употребляется в песнях. Примеры: *Йылдырым-йылдырым вӱдет йогале, / Пуя пӱялашет ышна шу. / Йылдырым-йылдырым колет каяле, / Мурда шындашет ышна шу. / Йылдырым-йылдырым комбет каяле, / Шӱльӧ пуашет ышна шу. / Йылдырым-йылдырым тагна каяле, / Шогал мутланашет ышна шу* [24, 265] ‘Йылдырым-йылдырым водичка текла, / Не успели пруд запрудить. / Йылдырым-йылдырым рыба ушла, / Не успели мурду поставить. / Йылдырым-йылдырым гуси ушли, / Не успели овса дать. / Йылдырым-йылдырым друзья ушли, / Не успели, встав, поговорить’. Существительные, а также инфинитивы на *-аш* оформлены *Px2Sg*. Посессивный суффикс указывает на то, что субъект или объект входит в сферу влияния, как бы «принадлежит» слу-

шателю в широком смысле, в то же время не относясь ни к кому в частности. Г. М. Тужаров определяет эту функцию как функцию эмфатической выделительной частицы, которая сообщает описываемому предмету, факту или явлению значение дорогого, близкого для певца, сказителя и слушателей [21, 68]. *Px2Sg* встречается также в народных песнях удмуртского языка. Но, как поправляет В. И. Алатырев, «этот суффикс в данном значении употребляется не только в народных песнях. Он широко функционирует в живой прозаической речи» [2, 74]. По сообщению Е. А. Цыпанова, в коми-языке они также употребительны.

Px 2 л. ед. ч. выступает в усилительно-выделительной функции с целью субъективизировать действие, выраженное инфинитивом, приблизить содержание сообщения к слушателю.

3. С той же целью *Px2Sg* употребляется в сказках, байках, устных рассказах. Примеры: *Вес ирготлан кейен имн'и нӓлӓшет* и *местӓшок йӓрен: имн'и тупеш тлгдо спвезс-шӓмсу тупелӓ пижсн ишнцншт* [8, 209] 'Пришел на следующее утро за конем и застыл на месте: сидят мальчики верхом на коне задом наперед и прилипли'; *Самырык толыт вет чыла йот*

кычат, ӧрдыж гычат. лдр-шамыч стӧл гокла шкет шындат, крушкашкет сыратым темат, шын'дж'ыт сыра йӓшет [7, 168] 'Собирается молодежь, приходят и со стороны (из окрестных деревень). Девушки усаживают людей за стол, пиво разливается в кружки, садятся пиво пить'.

Интересно то, что инфинитив на *-аи*, оформленный суффиксом *Px2Sg*, стоит в конце предложений, хотя по традиционному порядку слов предложение должно заканчиваться финитной формой глагола. Следовательно, автор выделяет действие, выраженное инфинитивом, заостряет на нем внимание и для более сильной конкретизации использует *Px 2 л. ед. ч.* в усилительно-выделительной функции.

4. Суффикс *Px2Sg* употребляется в указательно-выделительной функции в следующих примерах: *Настай, мӧрӧ погашет мием мо?* [25, 190] 'Настай, пойдешь что ли ягоды собирать-то?'; *Сита, айда презе кычалашет каена* [25, 194] 'Хватит, давай пойдём теленка искать-то'. В этом случае суффикс *Px2Sg* синонимичен с *Px3Sg*. По сравнению с посессивным суффиксом 3 л. ед. ч. *Px2Sg* приближает собеседника к действию.

Марийский ансамбль встречает участников лагеря у этнографического музея. XVII Международный лагерь детей финно-угорских народов. Козьмодемьянск, Марий Эл, 2008 г.

5. Показатель *Px2Sg* употребляется в роли эмфатических частиц, функция которых близка к определенным артиклям индоевропейских языков. Следует выделить два случая:

1) анафорической маркированности, когда суффикс присоединяется к ранее упомянутым элементам, например: *Саггаитым тувыр шокишит дене үшитыл-үшитыл колтат да адак тўредыт, тамак шупшашат мондат. «Сапан та-аг, шупшашет мондышна вет!»* – мельник кугыза йолташыжым кычкыра [16, 126] ‘Вытирают свой лоб рукавом своей рубашки и снова жнут, даже курить табак забывают. «Друг Сапан, покурить-то ведь забыли!» – старик-мельник кричит своему другу’;

2) ассоциативной маркированности, когда связь интерпретируется только через конкретную ситуацию речи, через контекст, например: (Сергей с другими детьми ходил жать. – Л. А.) *Как кочкышлан погынен иичмекышит, Сергей ачажлан оила: «Мый тўредашит изи улам. Тунемаши тўгалам лучо»* [16, 64] ‘Когда они собрались на ужин и сели, Сергей говорит своему отцу: «Я жать-то еще маленький. Лучше буду учиться»’. Таким образом, контекст определяет употребление *Px2Sg* при инфинитиве на *-аш*. Посессивные суффиксы выступают в указательной функции.

Кроме функции обозначения лица *Px3Sg* используется при инфинитиве на *-аш* и в других случаях.

1. *Px2Sg* употребляется в вопросительных предложениях, оформленных вопросительными местоимениями *мом*, *Г. мам* ‘что, чего’, *кõм* ‘кого’, *кõлан* ‘кому’, наречиями *кузе*, *Г. кыце* ‘как’, *молан*, *Г. малын* ‘зачем, почему’, *кунам* ‘когда’, *кушто* ‘где’. Рассматриваемые инфинитивные предложения выражают:

1) состояние нерешительности, сомнения, недоумения, например: *Молан лач возалташыже, пашиа возалтмаите огыл вет* [26, 121] ‘Зачем именно расписываться-то, дело ведь не в этом’; *Мом тынар толашен тўредашыже, тенийсе пашиа садыгак вес ийлан ок код* [23, 127] ‘Чего так мучаясь жать-то, работа нынешнего года всё равно на следующий год не останется’;

2) безвыходность положения, состояние сильного замешательства человека, например: *Ала илыше кодынат, пугырак кугу титакым ыштен? Ала кончаи огыл, кольшо семынак кодаш? Мом ышташыже, кузе лияшыже?* [3, 199] ‘Может быть, оставшись в живых, совершил очень большую ошибку? Может быть, не стоит показываться, продолжать прикидываться мертвым? Что делать-то, как быть-то?’

Функцией посессивного суффикса в рассматриваемом случае являются выделение и конкретизация действия, указанного в инфинитиве.

¹ Синтаксические фразеологизмы – конструкции, организованные по фразеологизированным отвлеченным образцам и таким образом противопоставленные предложениям, построенным по свободным структурным схемам, но в то же время организующие с ними одну систему [1, 3].

В некоторых примерах показатель *Px3Sg* употребляется при инфинитиве при повторном использовании глагольной формы, например: – *Ош армийлан активно полиаши ямдылалтын шогыман. / – Кузе ямдылалташыже?* [25, 208] ‘– Надо готовиться активно помогать Белой армии. / – Как готовиться-то?’

Часто в рассматриваемых предложениях вопрос является риторическим, в них в скрытой, вопросительной форме отрицается то содержание, о чем на самом деле спрашивается. З. В. Учаев отмечает: «В таких предложениях инфинитив обычно наращивается формой *-же*, употребляющейся для придания речи эмоциональной выразительности, для подчеркивания напряженности речи» [22, 129]. Пример: – *Мый пучымышым шолташи тўгалам, кочкат? – А мом шолтен толашашыже? Тебе колат дыр, кочкаш конденым!* [21, 170] ‘– Я начну кашу варить, будешь кушать? – Зачем варить-то? Вот, наверное, слышишь, кушать принесли!’

2. *Px3Sg* употребляется при инфинитиве на *-аш*, компоненте синтаксического фразеологизма¹, например: *Ужашшыже мый изим годым ужынам да, пеш раи ом шарне* [24, 323] ‘Видеть-то я видел, когда был

Марийцы

маленьким, но так уж отчетливо не помню»; *Учитель – руш. Марла изии чокая гынат, туныкташыже эртак рушла туныкта* [24, 153] ‘Учитель – русский. Хотя немного говорит по-марийски, учить-то всегда на русском учит’. Данную конструкцию можно назвать моделью повторяющихся глаголов. Первый компонент данной модели употребляется в инфинитиве с посессивным суффиксом 3 л. ед. ч., а второй – в личной форме. Это наиболее продуктивный порядок следования компонентов, который не исключает иного их расположения. Как отмечает Л. А. Абукаева, «при инфинитиве в СФ рассматриваемой модели в марийском языке функционирует частица *-же*» [1, 54]. Суффикс *Px3Sg* выступает в указательной функции.

Чаще всего посессивные суффиксы при инфинитиве на *-аш* используются в функции обозначения лица, совершающего действие или находящегося в каком-либо состоянии, отношении к действию, названному в глагольной основе.

3. Показатель *Px3Sg* употребляется при контрастных противопоставлениях, например: *Шергакан вудым ида веле. Нумалашыже уке улыда, велен киеда* [25, 153] ‘Не разливайте драгоценную воду. Носить-то вас нет, а разливаете’; *Марина кая гын, мылам илашыжат нимолан* [22, 129] ‘Если Марина уйдет, то мне и жить-то незачем’.

Части рассматриваемых предложений нередко соединяются противительными союзами *да, но*, частицей *-ат* (в значении противительного союза), например: *Пукшашыже иульё монь уке да, эртак шудо дене веле шога* [24, 14] ‘Кормить-то овса и другого ничего нет да, все время только с сеном стоит’. Усилительно-выделительная функция посессивного суффикса раскрывается в противопоставлении действий, контрасте описанных событий иногда в одном предложении, иногда в контексте.

4. Суффикс *Px3Sg* употребляется в случаях анафоры, т. е. вторичного использования слов, например: *Венцов дене вашилийн кутыраш амалым кычалыт. Шонет гын, тудым кычалашыжат нимолан* [28, 452] ‘Ищут причину для того, чтобы поговорить с Венцовым при встрече. Если подумать, ее искать-то не надо’; *Пунчо йыр куралде кодымо изирак сorem уло. Тудым куралашыжат ок лий* [4, 55] ‘Вокруг сосны есть маленькая целина, которая осталась невспаханной. Ее и пахать-то нельзя’.

В рассматриваемом случае *Px* присоединяется к ранее упомянутому элементу в указательной функции. Использование суффикса факультативное.

5. Суффикс *Px3Sg*, как и показатель *Px2Sg*, употребляется в случаях ассоциативной маркированности, когда связь интерпретируется через конкретную речевую ситуацию, через контекст, например: *Эх, вургем, вургем. Кушто тудым муаш? Южо каче кеч вынер тувыр дене ковыртата. Тулак Аркитын тидыжат уке. Йбра эше тумышташыже шкеак тунемын* [20, 85] ‘Эх, одежда, одежда. Где ее найти? Некоторые парни хоть в льняных рубашках расхаживают. У сироты Аркита и этого нет. Хорошо еще, хоть штопать-то сам научился’. В рассматриваемом случае контекст определяет употребление *Px3Sg* при инфинитиве на *-аш*.

Итак, чаще всего посессивные суффиксы при инфинитиве на *-аш* используются в функции обозначения лица, совершающего действие или находящегося в каком-либо состоянии, отношении к действию, названному в глагольной основе. Субъект действия, обозначенного инфинитивом на *-аш*, часто выражается только посессивным суффиксом.

Употребление притяжательных суффиксов при инфинитиве на *-аш* в функции обозначения лица может быть обязательным и факультативным. Оформление инфинитива на *-аш* посессивными суффиксами обязательно, если они выражают субъект действия, который определяется только из контекста; субъект действия выражен личным местоимением в номинативе в значении датива, а посессивный суффикс указывает на лицо и число действующего лица. Оформление инфинитива на *-аш* посессивными суффиксами факультативно, если *Px* указывает на лицо и число субъекта действия инфинитива, выраженного в обращении; субъект действия выражается существительным / местоимением в дативе или генитиве. Притяжательные суффиксы в данных случаях конкретизируют лицо и число субъекта.

Кроме обозначения лица посессивные суффиксы 2 и 3 л. ед. ч. могут выступать в указательной и усилительно-выделительной функциях.

Суффикс *Px2Sg* употребляется при инфинитиве на *-аш* в предложениях со значениями сильного желания, пожелания, предпочтительности действия; народных песнях; сказках, рассказах, байках с явной целью субъективизировать действие, приблизить слушателя к певцу, слушателю. Отличительной чертой *Px2Sg* следует назвать элемент субъективизации, т. е. он приближает собеседника к действию, делает его более наглядным, явным, близким.

Суффикс *Px3Sg* употребляется при инфинитиве на *-аш* в вопросительных предложениях, при инфинитиве на *-аш* – компоненте синтаксического фразеологизма, при контрастных противопоставлениях, в случаях анафоры и ассоциативной маркированности в указательной или усилительно-выделительной функции. Чаще всего посессивный суффикс 3 л. ед. ч. присо-

единяется к инфинитиву на *-аи* в вопросительных предложениях.

Материал показывает, что притяжательные суффиксы 2 и 3 л. ед. ч. по значению могут быть синонимичными. Однако, как отмечает Г. М. Тужаров, «форма 3 лица, выделяющая предмет и относящая его к определенной ситуации, воспринимается в более отдаленном плане» [21, 69], в то же время посессивный суффикс 2 л. ед. ч. приближает этот предмет до состояния очевидности.

Ключевые слова / keywords:

марийский язык; притяжательные суффиксы; указательная, усилительно-выделительная функции; функция обозначения лица

Mari language; the possessive suffixes; demonstrative, intensive and marking functions; the function referring to a person

Поступила 15.09.2009

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абукаева, Л. А. Синтаксические фразеологизмы в марийском языке : моногр. / Л. А. Абукаева. – Йошкар-Ола, 2005.
2. Алатырев, В. И. Выделительно-указательная категория в удмуртском языке : расшир. докл. на III Междунар. конгрессе финно-угроведов в г. Таллине / В. И. Алатырев. – Ижевск, 1970. – 74 с.
3. Артамонов, Ю. М. Кайык ўжын ужата : повесть ден ойлымаш-влак / Ю. М. Артамонов. – Йошкар-Ола : Книгам лукшо марий изд-во, 1980. – 288 с.
4. Асаев, А. Ошвичыжат йўксыжат : роман / А. Асаев. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1985. – 320 с.
5. Васин, К. Ушнымаш : роман / К. Васин. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1984. – 224 с.
6. Велиев, С. А. К истории образования аффикса принадлежности третьего лица // Сов. тюркология. – 1985. – № 6. – С. 57–64.
7. Зайниев, Г. И. Образцы речи волжского говора // Вопросы марийского языка. Материалы и исследования по марийской диалектологии. – Йошкар-Ола, 1987. – С. 154–177.
8. Иванов, И. Г. Северо-западное наречие марийского языка / И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров. – Йошкар-Ола, 1970. – 216 с.
9. Киекбаев, Д. Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков / Д. Г. Киекбаев. – Уфа : Китап, 1996. – 368 с.
10. Кудашова, Л. А. Посессивность в эрзянском и венгерском языках : дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Кудашова. – Саранск, 2001. – 154 с.
11. Кузнецова, А. И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии : сб. ст. – Ижевск, 2003. – С. 249–259.
12. Майтинская, К. Е. Категория лично-притяжательности // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М., 1974. – С. 267–278.
13. Мурзашев, А. Төлдө / А. Мурзашев // Ончыко. – 2001. – № 9. – С. 25–77.
14. Николаев, С. Н. Эрвыкай : повесть да ойлымаш-влак / С. Н. Николаев. – Йошкар-Ола, 1982. – 224 с.
15. Николаева, И. Посессивные аффиксы в прагматической структуре высказывания: данные уральских языков // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. – С. 130–145.
16. Орай Д. Чолга шўдыр : повесть / Д. Орай. – Йошкар-Ола, 1990. – 200 с.
17. Пенгитов, Н. Т. Имя существительное // Современный марийский язык. Морфология. – Йошкар-Ола, 1961. – С. 29–72.
18. Прокушева, Т. И. Определенно-притяжательные суффиксы инфинитива и их образование в коми языке // Вопросы лексикологии коми языка : тр. Ин-та языка, литературы и истории. – Сыктывкар, 1979. – № 22. – С. 64–78.
19. Серебренников, Б. А. К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках // Фонетика. Фонология. Грамматика. – М., 1971. – С. 277–282.
20. Тимофеев, А. Койдымо фронт : роман / А. Тимофеев. – Йошкар-Ола, 1986. – 320 с.
21. Тужаров, Г. М. Грамматические категории имени существительного в марийском языке / Г. М. Тужаров. – Йошкар-Ола, 1987. – 141 с.
22. Учаев, З. В. Инфинитивные предложения, сказуемое которых выражено инфинитивом на *-аи* // Тр. МарНИИ. – Йошкар-Ола, 1959. – Вып. 13. – С. 121–137.
23. Федотов, М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / М. Р. Федотов ; под ред. И. С. Галкина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1990. – 336 с.
24. Чавайн, С. Г. Акпатыр : пьеса-влак / С. Г. Чавайн. – Йошкар-Ола, 1977. – 208 с.
25. Чавайн, С. Г. Элнет / С. Г. Чавайн. – Йошкар-Ола, 1967. – 322 с.
26. Шабдар, О. Едырамаш корно / О. Шабдар. – Йошкар-Ола, 1975. – 224 с.
27. Шкетан, М. Эрегер / М. Шкетан. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1986. – 224 с.
28. Юксерн, В. Кас ўжара : легенда, ойлымаш, повесть, роман / В. Юксерн. – Йошкар-Ола, 1983. – 368 с.
29. Юксерн, В. Ойпого: ойырен налме произведений-влак / В. Юксерн. – Йошкар-Ола, 1989. – 496 с.
30. Beke, Ö. Mari szövegek II (Tscheremissische Texte). T. 1 / Ö. Beke. – Savariae, 1995. – 463 s.
31. Comrie, B. General Features of the Uralic Languages // The Uralic Languages. Description, History and foreign Influences / ed. by D. Sinor. – Leiden ; New York ; Kölnhaven ; Köln, 1988. – P. 450–477.
32. Janhunen, J. On the structure of Proto-Uralic // FUF. – 1982. – Bd. 44, Heft. 1–3. – S. 23–42.
33. Raun, A. Proto-Uralic Comparative Historical Morphosyntax // The Uralic Languages. Description, History and foreign Influences. – P. 556–571.
34. Sakuma, J. Distribution of Possessive Suffixes in the Finnish Language // Congressus Ostavus Internationalis Fenno-Ugristarum 10–15.8.1995. – Pt. 3. Phonologia and Morphologia. – Jyväskylä, 1996. – S. 189–192.